

Атмосфера за столом стала неловкой, и Дэнди тут же поспешил разрядить обстановку, заговорив о забавном случае, произошедшем недавно на приеме у маркиза Хабора:

— Ваша Высочество Хоман, доводилось ли вам слышать о великом герцогом Шредере по прозвищу Алая Роза?

По обыкновению, сыну маркиза вроде Дэнди было далеко до того, чтобы находиться на равных с членами королевской семьи.

Однако Дэнди Хабор состоял в числе тех немногих в академии, с кем принц Хоман достаивался вести долгие беседы. К тому же, благодаря своему ангельскому характеру всеобщего любимца и статусу проводника, он пользовался хоть каким-то снисхождением даже у своенравного Хомана:

— Ты имеешь в виду герцога, что засел на задворках системы Темной Розы?

Заметив, что Хоман поддержал разговор, Дэнди оживился:

— Ваша Высочество тоже знает о нем? Великий герцог Шредер хоть и скончался рано, но оставил после себя ребенка, зачатого вдовой — Людвиг. В прошлый раз на банкете, устроенном моим отцом, он такое учудил!

Хоман нахмурился. Громкое имя Шредера было ему знакомо: это один из немногих военачальников, преданных роду Феникс, который стоял оплотом в удаленной звездной системе Темной Розы и не покидал королевский двор иначе как ради имперских торжеств. Настоящий ветеран и верный слуга престола. На самом же деле с этим было связано одно тайное предание: система Темной Розы являлась не чем иным, как родиной самого Хомана.

В ту пору, когда королева Тереза путешествовала в тех краях и неожиданно разрешилась от бремени, родив Хомана, ее принимал как раз великий герцог Шредер. По совпадению, в тот же самый день на свет появился и сын герцога-проводник.

Им оказался именно этот Людвиг Шредер.

В Фениксской военной академии Людвиг Шредер, само собой, учился с Хоманом на одном потоке и славился даже больше, чем сам принц.

Его имя впервые прогремело на весь студенческий городок вскоре после поступления, когда некий старшекурсник-страж, прельщенный его невероятной красотой, привязался к нему с домогательствами, надеясь завоевать его сердце.

Все думали, что история, как и многие другие, либо сойдет на нет, либо закончится взаимной симпатией, но тут поползли слухи: Людвиг голыми руками избил того стража до полусмерти,

отправив на больничную койку. Стоило этой новости просочиться наружу, как вся академия стояла на ушах...

Какой-то проводник голыми руками изувечил жестокого и сильного стража! Да к тому же еще и входящего в десятку лучших бойцов рукопашного боя на курсе!

Такого не случалось за все тысячелетия, это шло вразрез со всеми законами природы.

Ведь, по всеобщему разумению, у стражей были развиты все пять чувств и отличалось крепкое телосложение, в то время как проводники, обладая мощной духовной силой, обычно отличались хрупким телосложением, и преодолеть эту природную предрасположенность было крайне трудно.

А та драка Людвига и вовсе превратилась в легенду военного училища.

Легенду о недотроге-людоеде, к которому ни понюхать, ни прикоснуться было нельзя.

Бесчисленные безумные поклонники вились вокруг него роем, но с молчаливого согласия старших всех их ждала жестокая трепка от Людвига, и до сих пор никто не мог с ним сладить.

Конечно, то, что он вел себя столь дерзко, было напрямую связано с остатками бывшего авторитета великого герцога Розы. Тот считался редким военачальником из клана Феникса, столетие проводившим на границе; и даже после его смерти народ продолжал гордиться им, а его популярность оставалась невероятно высокой.

Вот только его сын вызывал бурные споры. В немногочисленном сообществе проводников Феникской военной академии мнения разделились на два лагеря.

Одни были полностью очарованы Людвигом и горячо поддерживали его, считая это триумфом всех проводников.

Другие же придерживались диаметрально противоположной точки зрения: они полагали, что истинная ценность проводника раскрывается лишь в союзе со стражем, а Людвиг совсем не похож на проводника и ведет себя дико до крайности.

Дэнди явно не относился к первому лагерю и в двух словах принялся расписывать непутевые поступки Людвига:

— Интересно, вырос ли он вообще в аристократической семье? Он даже вилок пользоваться не умеет, жрет диди-креветок прямо руками! На праздничном банкете только и делал, что набивал брюхо, сущий дикарь...

А самое смешное то, что он взял и вышвырнул в окно графа Антония, сына графа Капри, который пригласил его на танец! И только благодаря тому, что мой отец замолвил за него словечко, иначе...

Хоман нахмурился и резко оборвал его:

— Ему уже исполнилось восемнадцать?

— А? Восемнадцать? — Дэнди мгновенно сориентировался. — Об этом я не слышал, наверное, нет. Ему сейчас двадцать...

Произнеся это, Дэнди украдкой взглянул на лицо Хомана и тут же сменил тему.

Каждому было известно, что задержка взросления — это болезненная мозоль Третьего принца.

Однако у Хомана пропало всякое желание слушать его пустые бредни, и, наспех покончив с едой, он распрощался с Дэнди.

Этому Шредеру, родившемуся с ним в один день, судя по всему, тоже не слишком повезло в жизни — он до сих пор не связал себя узами.

Но у погрязшего в собственных проблемах Хомана не было времени заниматься чужими делами; прихватив книгу, он просидел так все утро.

Спустя несколько дней наступила церемония открытия учебного года в Фениксской военной академии.

Засидевшийся дома Третий принц отправился на учебу в угнетенном состоянии духа.

Группа оставалась прежней, однако людей в ней заметно поубавилось. Стоило студентам пятилетнего курса завершить обучение и связать себя узами после совершеннолетия, как они сразу выпускались; те же, кому перевалило за двадцать пять и кто оставался не связанным узами, тоже выпускались.

В класс Хомана входили не связавшие себя узами совершеннолетия стражи, которые уже полностью отучились положенные пять лет и теперь ждали совершеннолетия, чтобы получить диплом, пойти в армию или устроиться на работу.

Здесь учились студенты самых разных специальностей, и состав группы постоянно менялся: добрая половина лиц с прошлого семестра куда-то исчезла.

Стоило Хоману вспомнить, что все те выбывшие ребята уже достигли совершеннолетия, связали себя узами и отправились — кто в армию служить, кто наукой заниматься, а кто улицы мести, — как он до боли сжал зубы, снедаемый лютой завистью.

Чем сильнее было душевное терзание, тем бесстрастнее оставалось его лицо. Издалека было видно лишь то, как Его Высочество принц с мрачным видом восседает на своем месте, практически игнорируя преподавателя на кафедре и протазанив весь урок напролет.

После звонка он вместе со всей группой направился на арену.

Их чисто научная специальность — биомедицинские исследования — позволяла заглядывать на арену ради галочки всего раз в неделю.

Поэтому сегодня они пришли вовсе не для боевых тренировок, а ради проверки уровня физического развития.

Хотя у несвязанных узами тестирование уровня ничего путного не показывало, плановый семестровый регламент никто не отменял — он помогал вести кривую роста и развития несовершеннолетних стражей.

Будучи принцем, он не имел никаких привилегий: среди стражей всегда ценилась грубая сила, а не происхождение.

Конечно, Хоман не был избалованным юнцом, поэтому покорно встал в очередь.

Когда до него дошла очередь, Хоман протянул руку и вложил ее в сканирующий интерфейс светового терминала. Экран озарился белым светом, но долгое время ничего не происходило.

Опять двадцать пять.

Почти при каждом тестировании Хоман сталкивался с одной и той же проблемой: его феромоны нестабильны, из-за чего аппарат их просто не улавливает.

Он сам прекрасно знал: если бы не сверхчувствительные приборы вроде тех, что стояли в лаборатории Кина, другие машины едва ли смогли бы зафиксировать его феромоны.

Для новоприбывших стражей неспособность обнаружить феромоны считалась делом обычным, но с возрастом душевный зверь и его хозяин постепенно сливались воедино, феромоны становились отчетливее, а по мере приближения периода связи даже физические данные под их влиянием постепенно крепились.

Между тем те, кто «застрел на второй год» вместе с Хоманом, почти поголовно находились в

состоянии «близком к периоду связи», и нестабильность феромонов наблюдалась у единиц. Так что его случай стоял особняком.

Видавший виды специалист по тестированию, впрочем, не выказал особого удивления:

— Пусть проявится духовный зверь Вашего Высочества.

Как правило, если феромоны самого стража или проводника оставались неясными, прибегали к сканированию через духовного зверя.

Хоман бросил взгляд на нетерпеливо взмахивающего хвостом Саймона, который зорко озирался по сторонам, сорвал с шеи ожерелье:

— Обойдемся без него, используйте драконий кристалл.

Цвет висевшего на цепочке минерала ничем не отличался от чешуи черного дракона: он был овальной формы, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить четкие грани. Ближе к краям окрас блекл, создавая впечатление, будто внутри закована какая-то неведомая сила.

Этот черный кристалл на самом деле служил отличительным знаком королевской семьи.

У каждого венценосного отпрыска, унаследовавшего духовное воплощение в виде дракона, имелся подобный камень. Его называли драконьим кристаллом.

На заре зарождения королевского рода в первозданный кристалл запечатывали самые чистые феромоны, так и получался драконий кристалл.

Высвобожденные на полную мощь феромоны королевского стража, рожденные благодаря драконьему кристаллу, способны были повергнуть любое духовное создание в иступление и ужас, временно лишая его боеспособности.

Ходили слухи, будто на черном рынке драконий кристалл всегда ценился на вес золота и не имел цены.

Но на самом деле, помимо устрашающего воздействия на стражей, куда большую важность имело его символическое значение.

Стражи королевской крови вручали свой драконий кристалл лишь единственному назначенному судьбой проводнику, и для них этот жест означал клятву «быть вместе всю жизнь».

Проверяющий выглядел новичком; столкнувшись с подобным, он на мгновение растерялся, никак не ожидая, что вещь, которую члены монаршей семьи всегда берегли пуще глаза, Третий принц извлечет так легко и непринужденно:

— Это... Разве так можно?..

В глазах черного дракона Саймона вспыхнул острый блеск, он издал недовольное ворчание, бросился вперед и оттеснил Хомана в сторону, водрузив лапу прямо на прибор.

Тотчас же механизм заработал, и проверяющий заметно с облегчением выдохнул.

Увы, на деле всё оказалось не так просто, как ему мнилось.

Саймон с честью выполнил задание, но продолжал сидеть на корточках, даже не помышляя сдвинуться с места.

Молоденький специалист закрутился волчком от досады, поднимая глаза на бесстрастного Третьего принца.

Что за напасть такая?

Вообще-то, откуда у Хомана было свободное время усложнять ему жизнь? Он и сам не мог совладать с Саймоном. Но тянуть дальше было нельзя, поэтому он бросил:

— Молодец.

Он никак не ожидал, что эти слова возымеют такой эффект: услышав похвалу, черный дракон задрал нос кверху. Гордо вскинув голову, он даже издал пару низких раскатистых рулад, словно хвастаясь, затем вильнул хвостом и семенитцой умчался прочь.

Хоман остолбенел.

Этот его непослушный духовный зверь... неужели обожает исключительно лесть?

Выходит, за собственным духовным зверем нужно ухаживать как за божеством? Издеваются они над ним, что ли?

Чем больше Хоман размышлял об этом, тем сильнее убеждался, что в прошлых жизнях он истребил всю галактику, раз ему достался такой духовный зверь, за которым теперь придется подчищать всю оставшуюся жизнь.

Тестировщик утер пот со лба, постучал по экрану светового терминала, где высветились данные Хомана:

Имя: Хоман Феникс Ботефлоуэр Эдит Офарис Мейн

Пол: Мужской

Атрибут: Страж

Факультет: Биомедицинские исследования

Рост: 5 футов 7 дюймов

Вес: 127.3 фунта

Уровень духовной силы: В

...

<http://bllate.org/book/19385/1896221>